

БЕН КАРСОН

в соавторстве с Сесиль Мерфи

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

УДК 23/25
ББК 87.7:5г
К21

Карсон Б., Мерфи С.
К21 Золотые руки : Пер. с англ.. — Заокский: «Источник жизни»,
2014. — 224 с.

ISBN 978-5-86847-783-6

УДК 23/25
ББК 87.7:5г

Originally published in the U.S.A. under the title Gifted Hands
Copyright © 1990 by Review and Herald® Publishing Association.
Translation copyright © 2012 by Dr. Benjamin Carson
Translated by O. Buhina
Published by permission of Zondervan, Grand Rapids, Michigan
www.zondervan.com
© Перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Источник жизни», 2012

ISBN 978-5-86847-783-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ПРОЩАЙ, ПАПА!	7
ГЛАВА 2. ТЯЖЕЛЫЙ ГРУЗ	13
ГЛАВА 3. ВОСЬМИЛЕТНИЙ	19
ГЛАВА 4. ДВЕ УДАЧИ	28
ГЛАВА 5. ПОДРОСТКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ.	41
ГЛАВА 6. УЖАСНЫЙ ХАРАКТЕР	50
ГЛАВА 7. УСПЕХИ.	57
ГЛАВА 8. ВЫБОР КОЛЛЕДЖА	67
ГЛАВА 9. ВСЕГДА ЛИ ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ПРАВИЛ	75
ГЛАВА 10. СЕРЬЕЗНЫЙ ШАГ	86
ГЛАВА 11. СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ	99
ГЛАВА 12. СВОЙ ПУТЬ	110
ГЛАВА 13. ВАЖНЫЙ ГОД	122
ГЛАВА 14. ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ МИРАНДА.	134
ГЛАВА 15. ЖЕСТОКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ.	143
ГЛАВА 16. МАЛЕНЬКАЯ БЕТ	155
ГЛАВА 17. ТРОЕ ОСОБЕННЫХ ДЕТЕЙ	165
ГЛАВА 18. КРЕГ И СЬЮЗЕН	174
ГЛАВА 19. РАЗДЕЛЕНИЕ БЛИЗНЕЦОВ	190
ГЛАВА 20. ОКОНЧАНИЕ ИСТОРИИ БЛИЗНЕЦОВ	202
ГЛАВА 21. ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ.	208
ГЛАВА 22. «ДУМАЛ ЧТОБ»	214

ПОСВЯЩЕНИЕ

Эта книга посвящается моей матери Соне Карсон, отдавшей всю жизнь на то, чтобы дать нам с братом возможность вырваться вперед.

ВВЕДЕНИЕ

— Еще крови! Немедленно!

Эта негромкая команда словно взорвала тишину операционной. Близнецы получили 50 единиц крови, но кровотечение не прекращалось!

— У нас больше нет крови нужной группы, — ответил кто-то, — мы все использовали.

После этой новости началась тихая паника. Весь запас крови резус-отрицательной четвертой группы, имевшийся в больнице Джонса Хопкинса, был исчерпан. Семимесячные близнецы, сросшиеся затылками, нуждались в крови, иначе у них не оставалось ни одного шанса на поправку, ни одной надежды на нормальную жизнь.

Их мать, Тереза Биндер, во всем медицинском мире сумела найти единственную группу хирургов, которая была готова пытаться разделить ее близнецов и сохранить жизнь им обоим. Другие хирурги настаивали, что это невозможно — необходимо пожертвовать одним из мальчиков. Согласиться на то, чтобы один из ее семимесячных малышей умер? Тереза не могла даже подумать об этом! Хотя они и были соединены головами, каждый из них уже стал личностью — один играл, пока другой спал или ел. Нет, она никак не могла допустить такого! После нескольких месяцев поисков она обратилась в больницу Джонса Хопкинса.

Большинство из семидесяти членов хирургической бригады предложили свою кровь, понимая, что нельзя терять время.

Семнадцать часов трудной, утомительной, скрупулезной операции на таких крошечных пациентах прошли хорошо. Все удавалось. Анестезия была сделана успешно, хотя из-за общих кровеносных сосудов оказалась весьма сложной процедурой. Подготовка аппарата искусственного кровообращения заняла не больше времени, чем ожидалось (помогли пять месяцев подготовки и бесчисленные репетиции). Добраться до того места, где близнецы соединялись между собой, было не особенно трудно для любого молодого, однако бывалого нейрохирурга. Но из-за подключения аппарата искусственного кровообращения кровь потеряла способность к свертыванию, в результате чего все участки мозга младенцев, которые могли кровоточить, кровоточили.

К счастью, городской банк крови быстро смог найти необходимое для продолжения операции количество крови. Понадобились все мастерство, все навыки и изобретательность каждого из хирургов, чтобы остановить кровотечение через пару часов. Операция продолжалась. В конце концов специалист по пластическим операциям пришел последний лоскут кожи, закрывающий рану, и тяжелое испытание, длившееся почти сутки, было закончено. Сиамские близнецы Патрик и Бенджамин впервые в жизни отделились друг от друга.

Измученный ведущий хирург, придумавший план всей операции, когда-то был мальчишкой из негритянского квартала города Детройта.

Канди Карсон

ПРОЩАЙ, ПАПА!

- Ваш отец больше не будет с нами жить.
  - Нет, нет! — я давился слезами, не в состоянии понять того, что говорит мама. — Я же люблю папу!
  - И он тебя любит, Бенни... но он должен уйти. Навсегда.
  - Зачем? Я не хочу, чтобы он уходил. Пусть останется с нами.
  - Ему нужно уйти...
  - Он хочет уйти из-за того, что я что-то не так сделал?
  - Нет, Бенни, конечно нет. Папа любит тебя.
- Я рыдался.
- Сделай так, чтобы он вернулся!
  - Не могу. Поверь мне, не могу.
- Ее сильные руки крепко обняли меня, стараясь утешить, остановить слезы. Постепенно мои рыдания затихли. Как только она ослабила объятия, снова посыпались вопросы.
- Твой папа... — мама остановилась, и, как ни мал я был, я сообразил, что она подыскивает нужные слова, чтобы объяснить мне то, чего я не хотел понимать. — Бенни, твой папа поступил плохо. Очень плохо.
  - Но ты же можешь простить его. Пусть он останется, — я усиленно тер глаза.
  - Тут дело не в прощении, Бенни.
  - Но я хочу, чтобы он остался с нами. С Куртисом, со мной и с тобой.

Мама снова и снова пыталась объяснить мне, почему уходит отец, но восьмилетнему мальчику ее слова ничего не дали.

Даже сейчас, оглядываясь назад, не могу сказать, понял ли я хоть чуть-чуть причину его ухода. Даже если до меня что-то и дошло, я не желал об этом думать. От маминых слов о том, что папа не вернется домой, сердце мое готово было разорваться. Я так его любил!

Отец всегда был с нами нежен. Он часто отсутствовал, но, возвращаясь домой, сажал меня на колени и играл со мной. Он был очень терпелив. Вены на тыльных сторонах его больших рук были такого размера, что мне нравилось играть с ними. Я заталкивал их внутрь, со всей силой надавливая маленькими ладошками, и, смеясь, глядел, как они вылезают обратно.

— Смотри! Они снова тут!

Отец сидел спокойно, дожидаясь, пока я наиграюсь. Иногда он говорил: «Похоже, ты слабо жмешь». Тогда я нажимал еще сильнее. Конечно, ничего не менялось, и я быстро терял интерес и начинал новую игру.

Хотя мама и сказала, что он совершил плохой поступок, я не мог думать, что папа — «плохой», так добр он был всегда к нам с братом. Отец иногда дарил нам подарки безо всякого повода. «Думаю, тебе это понравится», — говорил он как бы между прочим, а глаза его блстели.

Весь вечер, пока не приходила пора отцу возвращаться с работы, я следил за часами или надоедал матери вопросом: «Сколько времени?» Потом выскакивал из дома, чтобы дождаться его у ворот, и смотрел, как он идет по аллее. «Папа, папа!» — выкрикивал я и мчался навстречу. Он подхватывал меня на руки и нес в дом.

В 1958 году, когда мне было 8 лет, все кончилось — папа ушел из дома навсегда. Моему обиженному сердечку казалось, что будущего больше нет. Я не мог представить себе жизни без папы и не знал, удастся ли нам с Куртисом, моим десятилетним братом, увидеть его снова.

* * *

Не помню, сколько еще я плакал и задавал вопросы, но уверен, что тот день был самым грустным в моей жизни. Вопросы лились рекой, слезы тоже. Пару недель я бомбардировал маму всеми аргументами, которые мог изобрести, чтобы убедить ее найти способ вернуть папу домой.

— Как мы будем без папы?

— Почему ты не хочешь, чтобы он остался?

— Он будет хорошим. Я уверен! Спроси его. Он больше не станет поступать плохо.

Мольбы мои не достигали цели. Родители обо всем договорились заранее.

— Матери и отцы должны быть вместе, — настаивал я. — Они должны быть вместе со своими маленькими сыновьями.

— Конечно, Бенни, но иногда получается не так, как надо.

— Не понимаю, почему, — возражал я.

Я вспоминал, как папа вел себя с нами. По воскресеньям он обычно катал нас с Куртисом на машине. Мы навещали разных людей, а особенно часто одну семью. Пока отец разговаривал со взрослыми, мы с братом играли с детьми. Потом мы узнали правду: у отца была другая «жена» и дети.

Не знаю, как мать обнаружила его двойную жизнь, она никогда не делилась с нами своими проблемами. Теперь, когда я стал взрослым, мне очень жаль, что мама сломала свою жизнь, уберегая нас от столкновения со злом. Мы и не подозревали, как она страдает. Все же я думаю, мама поступила правильно, стремясь защитить нас. Много лет спустя я наконец понял, что она имела в виду, говоря о «других женщинах и наркотиках».

Мама давно знала о другой семье. Я чувствовал, что в отношениях родителей не все в порядке. Когда между ними не было согласия, отец уходил. Он уходил все чаще и чаще и все дольше и дольше не возвращался. Я не мог понять, почему.

Теперь мое сердце разрывалось от маминых слов: «Ваш папа больше не вернется».

Не говоря ничего матери, каждый вечер я перед сном молился: «Дорогой Господь, помоги маме и папе помириться». Сердце мое верило, что Бог может помочь им и мы снова станем счастливой семьей. Я не хотел, чтобы они разошлись, и не мог представить себе будущего без отца.

Но папа не вернулся домой.

Шли дни, недели, и я понял, что мы можем обходиться без него. Мы обеднели, я замечал, что мама беспокоится, хотя ничего не говорит нам с Куртисом. Поумнев, годам к одиннадцати, я сообразил, что втроем нам живется счастливее, чем жилось вместе с папой. В семье воцарился мир. Дом не заполняло больше ужасающее молчание, из-за которого я дрожал от страха и забивался в свою комнату, не понимая, что происходит и почему мама и папа не разговаривают друг с другом.

Тогда я перестал молиться о том, чтобы они были вместе.

— Правда, для родителей лучше жить врозь? — спросил я у Куртиса.

— Ага, похоже на то, — ответил он. Как и мать, он не любил распространяться о своих чувствах. Но я понял, что и он, сам того не желая, признал, что нам стало лучше без отца.

Вспоминая свои чувства после папиного ухода, я не могу восстановить всех периодов злости и обиды. Мама говорит, что эти переживания принесли нам с Куртисом много боли. Несомненно, уход отца тяжело повлиял на нас, мальчишек. Тем не менее в моей памяти ярче всего сохранился тот первый день.

Может быть, так я и справился с глубокой обидой — забыл.

* * *

— У нас нет на это денег.

После ухода отца Куртис и я сотни раз слышали эту фразу, и, конечно, то было правдой. Как и раньше, я просил игрушек и сладостей, но скоро по выражению маминого лица научился понимать, как тяжело ей отказывать нам. Тогда я перестал просить того, чего уже не мог получить.

Бывали случаи, когда на лице матери вдруг вспыхивало негодование. Потом она успокаивалась и объясняла нам, что отец нас любит, но не дает ей денег на наше воспитание. Я смутно помню, как несколько раз мать ходила в суд, пытаясь получить алименты. После этого месяц или два отец посылал деньги — всегда меньше, чем было положено, как-то находя для этого законные основания. «Сейчас я не могу дать все деньги, — говорил он, — но потом доплачу. Обязательно».

Он никогда не доплачивал. В конце концов мать бросила попытки получить от него финансовую помощь.

Я понимал, что наша жизнь гораздо тяжелее, потому что он не дает матери денег. Моя детская любовь к отцу, такому доброму и нежному, не позволяла мне возненавидеть его. В то же время я не мог понять, почему он не дает денег на еду, если так нас любит.

Мать редко осуждала его — во всяком случае при нас, поэтому я не испытывал к отцу недобрых чувств. Я не могу припомнить ни одного раза, чтобы она его ругала.

Еще важнее было то, что мать постаралась внести в нашу состоящую теперь из трех человек семью ощущение безопасности. Прошло время после ухода отца, и я стал радоваться тому, что живу только с матерью и братом, такой мы были счастливой семьей.

Моя мать, молодая женщина, происходившая из многодетной семьи и не имевшая достаточного образования, столкнулась со множеством трудностей. Она сумела преобразить свою жизнь и помогла нам многого добиться. Я слышу голос мамы, которая, невзирая на все неприятности, говорит: «Все будет хорошо, Бенни». Это были не пустые слова, она в них верила. Верила так, что сумела убедить и нас с Куртисом, и слова ее дали мне спокойствие и уверенность в себе.

Часть ее силы шла от глубокой веры в Бога, а способность матери поддерживать Куртиса и меня основывалась на том, что она была убеждена в каждом своем слове. Мы знали, что не бо-

гаты, но какие бы ни случались с нами неприятности, не беспокоились, что будем есть или где будем жить.

Отсутствие отцовской помощи легло на мать тяжелым грузом. Она никогда не жаловалась, по крайней мере нам, и не заботилась о себе. Мама все взвалила на свои плечи, и я это понимал. Как бы надолго она ни уходила на работу, я знал, что это делается ради нас. Ее преданность и жертвенность оказали на мою жизнь огромное влияние.

Авраам Линкольн однажды сказал: «Всем, чего я добился и чего еще надеюсь добиться, я обязан своей матери». Я не уверен, что хочу сказать то же самое, но моя мать, Соня Карсон, оказала на мою жизнь первое и самое сильное влияние.

Невозможно рассказывать о моих успехах, не говоря о влиянии матери. Поэтому свою историю я начну с рассказа о ней.

ТЯЖЕЛЫЙ ГРУЗ

— Они не должны так обращаться с моим мальчиком! — воскликнула мама, глядя на бумагу, которую ей дал Куртис. — Ну нет, этого они с тобой не сделают.

Куртис только собирался прочесть ей то, что там написано, но она уже поняла, что задумал член школьного совета.

— Мама, что ты собираешься делать? — удивился я. Мне никогда не приходило в голову, что можно изменить мнение школьного начальства.

— Я собираюсь пойти туда прямо с утра и поставить все на свои места, — ответила она. По тону ее голоса я понял, что она так и сделает.

Куртис заканчивал школу, и член школьного совета решил отправить его в техническое училище. Его успеваемость, прежде низкая, в последний год стала стремительно расти, но он учился в школе, где было значительно больше белых учеников, и мама не сомневалась, что член совета находится под властью распространённого представления о неспособности черных учиться в колледже.

Конечно, я не был на этой встрече, но очень живо помню, как вечером мать рассказывала о ней. «Я сказала этой советнице: „Мой сын Куртис пойдет в колледж. Я не хочу, чтобы он шел в техническое училище“». Потом она положила руку на голову брата: «Куртис, ты теперь в подготовительном отделении колледжа».

Эта история прекрасно иллюстрирует характер матери. Мама была не из тех, кто подчиняется обстоятельствам, и ясно представляла, чего она хочет для нас.

Мать была привлекательной женщиной чуть выше среднего роста, очень подвижной, несмотря на то, что была тогда довольно полной. Да и сейчас, когда ее мучают артрит и боли в сердце, она, по-моему, не стала двигаться медленней.

Соня Карсон, моя мать, трудолюбива, в любой ситуации ориентирована на достижение цели, предъявляет к себе высокие требования, не удовлетворяется малым. Она обладает врожденной способностью, интуитивным чувством, которое позволяет ей выбирать правильную линию поведения. По-видимому, это ее главная отличительная особенность.

Она всегда много требовала от себя, и нас воспитывала в том же духе. Я не хочу изобразить свою мать совершенством, конечно, она обычный человек. Она никогда не давала мне отставать от достигнутого, добиваясь своей цели ворчаньем, требовательностью, иногда жестоким ко мне отношением. Будучи в чем-то уверенной, она стояла на своем и не сдавалась. Не всегда мне было приятно слышать ее слова: «Ты не рожден для неудач, Бенни. Ты можешь это сделать!» Или одно из ее любимых: «Попроси Бога, и Он поможет тебе».

Когда мы были подростками, то не всегда радовались ее урокам и советам. Но, несмотря на наше возмущение и упрямство, мать отказывалась уступать.

Прошли годы, и, постоянно ободряемые матерью, мы с Куртисом поверили наконец, что осуществим задуманное. Может быть, она «промывала нам мозги» в надежде, что мы станем по-настоящему хорошими людьми и добьемся успеха, к которому стремимся. Даже сейчас ее голос ясно звучит у меня в ушах: «Бенни, ты можешь это сделать. Не теряй веры ни на секунду».

Когда она вышла замуж, у нее было только три класса образования, но в нашем доме движущей силой всегда была именно она, которая подталкивала моего неторопливого отца. Главным образом благодаря ее бережливости они накопили денег и

купили наш первый дом. Мне кажется, что благодаря ей они в конце концов стали зажиточными людьми. Уверен, что она не предчувствовала той бедности и трудностей, с которыми пришлось потом столкнуться.

Отец, напротив, был стройным и высоким. Он часто говорил: «Всегда надо выглядеть как следует, Бенни. Одевайся соответственно тому, кем хочешь быть». Ему больше всего было важно, как он одет и что его окружает. Он всегда любил быть среди людей.

«Относись к другим хорошо. Люди много значат, и если ты будешь к ним хорошо относиться, они тебя полюбят». Когда я вспоминаю эти слова, мне кажется, что ему было важно нравиться всем. Если меня просили описать отца, я всегда говорил: «Он просто хороший парень». Мне и сейчас так кажется, несмотря на все возникшие потом проблемы.

Мой отец был из тех, кто любит модно одеваться и вести себя, как «настоящий мужчина», ухлестывая за каждой юбкой. Такой стиль жизни мог вредно сказаться на нас. Во всяком случае, теперь я благодарен матери за то, что мы не остались в подобном окружении.

В интеллектуальном отношении у отца были сложности: он увязал в деталях и не мог охватить целого. Возможно, это было самое существенное различие между родителями.

Оба они происходили из больших семей: у матери было 23 брата и сестры, у отца — 13. Они поженились, когда отцу было 28, а матери — 13 лет. Много позже она призналась, что для нее брак был бегством из безнадежной семейной ситуации.

Вскоре после свадьбы они перебрались из штата Теннесси в Детройт, где в конце 40-х — начале 50-х годов требовались рабочие руки. Люди с сельского Юга переезжали на Север, потому что могли получить там хорошую работу на фабрике. Отец нашел работу на заводе «Кадиллак». Насколько мне известно, это было его первое и последнее место работы, где он и оставался до тех пор, пока не ушел на пенсию в 70-х годах.

А еще мой отец был священником маленькой баптистской церкви. Я так и не понял, был ли он посвящен в сан или нет. Од-

нажды он взял меня послушать, как проповедует, а может быть, я запомнил только этот единственный случай. Отец не был пламенным проповедником вроде телевизионных евангелистов. Он говорил в относительно спокойной манере, и аудитория не накалялась. Он не имел настоящего дара слова, но старался, как мог. Я помню, как в то воскресенье он стоял перед нами, высокий и красивый, а на большом металлическом кресте, покачивающемся у него на груди, сверкало солнце.

* * *

— Я уеду на некоторое время, навещу родственников, — сказала мать через несколько месяцев после ухода отца.

— А мы? — заинтересовался я.

— Я поеду одна, — ответила она необычайно тихим голосом. — Вы не должны пропускать школу.

Прежде чем я успел возразить, она добавила, что мы останемся с соседями.

— Я обо всем договорилась. Пока я не вернусь, вы будете спать здесь, а есть с ними.

Я бы мог удивиться ее решению, если бы не был так взволнован перспективой погостить в чужом доме. Это означало кое-какие поблажки, еду получше, веселую игру с соседскими ребятами.

За этой поездкой последовали другие. Мать предупреждала, что ее не будет несколько дней, и поручала заботу о нас соседям. Она устроила так, что мы оставались с друзьями, поэтому такая перспектива нас не пугала, а радовала. Благодаря ее любви мы чувствовали себя в безопасности, и мне даже в голову не приходило, что она может не вернуться.

Сейчас это кажется странным, но я узнал, что значили мамы «визиты к родственникам», только когда стал взрослым, такая в нашем доме царила атмосфера надежности. Когда груз становился слишком тяжел, мама обращалась к медицинской помощи. Развод повлек за собой трудный период смятения и депрессии. Мне кажется, лишь ее внутренняя сила помогла ей

осознать, что она нуждается в профессиональной помощи, и набраться смелости обратиться к врачу. Отсутствовала она обычно несколько недель.

Мы, мальчишки, и не догадывались о ее психиатрическом лечении, она не хотела, чтобы мы знали об этом.

Со временем мать отказалась от лечебных процедур, но друзьям и соседям трудно было относиться к ней, как к здоровому человеку. Мы не представляли себе, насколько ее обижало то, что лечение в психиатрической больнице, последовавшее за разводом, дало соседям живую тему для сплетен. Обе эти проблемы надолго оставили след в ее жизни. Мать должна была справляться с домашними делами и нашим воспитанием, к тому же многие ее друзья отвернулись от нее тогда, когда она больше всего в них нуждалась.

Из-за того, что мама никого не посвящала в подробности развода, люди предполагали худшее и распускали о ней дикие слухи.

— Я решила, что это мое дело, — как-то сказала мать. — Мне все равно, что говорят обо мне люди.

Но держаться такой линии было, конечно, нелегко. Грустно думать о том, как много слез она выплакала в одиночестве.

В конце концов источники денег иссякли, и мать поняла, что каким бы скромным ни был наш дом, она не сможет его содержать. Дом при разделе имущества остался ей, и через несколько месяцев после этого она его сдала, собрала вещи, и мы переехали. Это был один из немногих случаев, когда появился отец — он пришел, чтобы отвезти нас в Бостон. Старшая сестра матери Джин Авери и ее муж Уильям согласились взять нас к себе.

Мы переехали в их бостонскую квартиру. Их собственные дети уже выросли, и они горячо полюбили двух маленьких племянников. Со временем они стали нам с Куртисом, так нуждавшимся в нежности и любви, вторыми родителями.

Еще около года после переезда в Бостон мать испытывала потребность в психиатрической помощи. Лечение занимало три-четыре недели. Мы оставались без нее, но тетя Джин и дядя

Уильям были так внимательны и заботливы, что нам даже нравились периоды ее отсутствия.

Благодаря тете и дяде мы с Куртисом были уверены, что с мамой все в порядке. А когда она писала или звонила по телефону, они сообщали нам: «Мама возвращается через несколько дней». Все было так хорошо организовано, что мы и не догадывались, как тяжело было матери. А именно этого и хотела волевая Соня Карсон.

ВОСЬМИЛЕТНИЙ

— Крысы! — завизжал я. — Смотри, Курт, крысы!

Я в ужасе показывал на заросший сорняками пустырь позади дома.

— Они крупнее кошек!

— Ну уж крупнее, — возразил Куртис, пытаюсь держаться солидно. — Но до чего же гнусные!

Детройт никоим образом не подготовил нас к жизни в бостонском многоквартирном доме. Армии тараканов маршировали по комнатам, как ни пыталась мать от них избавиться. Еще больше пугали меня орды крыс, хотя они держались поодаль от людей и обитали в сорняках и кучах мусора, только в холодную погоду иногда заскакивая в подвал дома.

— Я один вниз не пойду.

Мое заявление было непреклонным. Один я боялся спускаться в подвал и без Куртиса или дяди Уильяма ни шагу не сделал бы.

Иногда из сорняков выскальзывали змеи. Однажды в подвал забралась большая змея, и кто-то убил ее. Еще долго после этого дети говорили только о змеях.

— Знаешь, в прошлом году змея заползла в соседний дом и ужалила четырех детей, пока они спали, — сказал мне один из одноклассников. — Дети умерли!

— Змеи и тебя могут сожрать, — добавил другой.

— Ну нет, — рассмеялся первый. — Она тебя ужалит, и ты умрешь.

За этим следовал еще один рассказ о том, как кто-то умер от укуса змеи.

Конечно, это были выдумки, но я так часто слышал подобные истории, что они запали мне в душу, и я стал осторожным, робким и все время выискивал, нет ли поблизости змей.

На пустыре было полно пьяных, валялись бутылки из-под дешевого вина. Разбитые стаканы, кучи мусора, полуразрушенные строения и полицейские машины стали для нас обычным зрелищем. Через несколько недель все это уже казалось нам совершенно естественным. Мы привыкли к перемене в нашей жизни.

Никто не говорил: «Нормальные люди так не живут». Я думаю, что нам удалось избежать слишком заметного влияния бостонской жизни только благодаря чувству семейного единства, поддерживаемого дядей и тетей.

Мама, конечно, работала. Целыми днями. Она редко бывала свободна, но эти часы она проводила с Куртисом и со мной, пытаюсь наверстать то время, пока ее не было. Мать работала в богатых домах, ухаживала за детьми, помогала по хозяйству.

— Ты выглядишь усталой, — сказал я как-то вечером, когда она вошла в нашу узкую комнатку. Было уже темно, весь долгий день она работала в двух местах, потому что одного заработка не хватало.

— Похоже, что так, — она откинулась на стуле, сбросила туфли и, ласково улыбнувшись, спросила. — Как дела в школе?

Как бы она ни уставала, но если к ее возвращению мы еще не спали, она никогда не забывала спросить о школе. Именно работа о нашем образовании дала мне понять, насколько важны для нее наши школьные успехи.

Когда мы переехали в Бостон, мне было восемь лет. Я был склонен к серьезным размышлениям и любил подумать над тем, что со мной происходит. Однажды я пришел к такому заключению: «Восемь лет — это замечательно, потому что, когда тебе восемь, ты ни за что не отвечаешь. Все о тебе заботятся, а ты только играешь и веселишься».